

ЛОХМАТЫЙ

Камиль Фарухшинович Зиганшин родился в 1950 году в посёлке Кандры Башкирской АССР в семье кадрового офицера. Детство и юность прошли на Дальнем Востоке, в Хабаровском и Приморском краях. Окончил Горьковский государственный политехнический институт, работал инженером по радиосвязи. Писатель, путешественник, охотник, лауреат многих литературных премий, в том числе премии Президента РФ за произведения для детей и юношества, Большой литературной премии России, первой Арктической премии, премии имени В.Г. Распутина, Всероссийской литературной Пушкинской премии «Капитанская дочка» (2024). Живёт в Уфе.

Молодцеватый, несмотря на свои пятьдесят семь лет, Фёдор Дементьевич, или, как его звали в деревне, Лапа, стоял, упёршись сильными ногами в широкие свежеструганные доски крыльца, и в который раз оглядывал резные наличники на новеньком доме зятя.

Распахнулась дверь, и из неё с шумом вывалились, похохотывая, плотная, во всём похожая на отца дочь Наталья, следом высокий жилистый зять.

— Пап, кончай смолить. Пошли в дом, замерзнёшь, — выпалила она.

— Да, пора мне, Натаха, — сказал Лапа, кивая на расплющенный между туч багровый глаз солнца. И, потоптавшись, неторопливо спустился по ступенькам в пока ещё неухоженный, необжитый двор.

— Лохматый! — властно позвал он собаку и направился к переминавшемуся с ноги на ногу

от мороза и нетерпения Гнедко. Ласково похлопал его литой круп. Расправил упряжь. Взбил в саях сено. Укрылся тулупом и удобно устроился в розвальнях, облокотившись на тугой, прикрытый брезентом мешок муки.

— Бывайте здоровы! Ждём в гости, — крикнул он, чуть обернувшись.

Крупный, с мощным загривком, лохматый кобель, крутившийся вокруг, рванул вслед за скрипевшим саням и в мгновение ока обогнал затрусившего ровной рысцой мерина.

Миновав посёлок и густую сосновую посадку, въехали в берёзовый с осиной пополам лес. Солнце скрылось за ошестинившимся верхушками деревьев холмом. Темнело.

«А всё-таки правильно, что в августе на новоселье не поехал, — подумал Лапа. — Дотянул до срока и сразу двух зайцев убил: у молодых побывал и мясо продал. Однако, башка у меня с толком», — самодовольно улыбнулся он, поглаживая бороду.

Дорога нырнула под гору и завилыла по стиснутой увалами долине ручья. Сани на покатых ухабах мерно покачивали, точно баюкали. Лапа, не выпуская вожжей, вытянулся и с удовольствием прикидывал, как распорядится выручкой. Он не любил людей, не умеющих зарабатывать. «Лентяй или простодыра», — говорил о таких. Вот и зять

тоже хорош! Буровой мастер называется! Цемента не может подкинуть...

— Тоже мне — порядочный! Тьфу! — сплюнул он.

Его размышления прервало испуганное фырканье Гнедко. Конь тревожно прядал ушами и, раздув ноздри, опять фыркнул. Бежавший впереди Лохматый прижался поближе к саням. Лапа обернулся и, шаря глазами по сторонам, заметил какое-то движение вдоль увала. Смутные тени скользили по гребню — не таясь, открыто!

Волки!!!

Противно заныли пальцы, засосало под ложечкой.

— Но! Но! Пошёл! — сдавленно просипел Лапа, наотмашь стегнув мерина, хотя тот и сам уж перешёл на галоп и, вскидывая в такт прыжкам хвост и гриву, нёсся по накатанной дороге так, что ветер свистел в ушах. Деревья, стремительно вылетая из темноты, тут же исчезали за спиной. За упряжкой потянулась вихрастым шлейфом снежная пыль.

Волки растворились во тьме. Лента дороги вместе с ручьём петлёй огибала высокий, длинный увал. Хорошо знавший окрестности матёрый вожак неспешно перевалил его и вывел стаю на санный путь к тому месту, куда во весь дух нёсся Гнедко.

Лапа, нахлёстывая коня, лихорадочно соображал, что делать: стая не могла так легко

оставить их в покое. Он чуял, что петля таит смертельную опасность, но повернуть обратно не решался — посёлок уже слишком далеко.

— Авось упряжу, — успокоил себя Лапа. И, придерживая вожаки одной рукой, другой нашарил в сене топор.

Неожиданно конь дико всхрапнул и, взметая снег, шархнулся в сторону — наперерез упряжке вылетела стая. Здоровенный вожак с ходу бросился на шею мерина. Ещё миг — и тот бы пал с разорванным горлом, но оглобля саданула зверя в грудь, и он рухнул на снег. Лапа опомнился, схватил и с силой метнул в стаю мешок муки.

Увесистый куль ещё не успел упасть, как волки живой волной накрыли его и растерзали в белое облако. За это время человек успел выправить сани на дорогу.

— Давай! Давай! — осатанело вопил он, нещадно лущуя мерина кнутом. Обезумев от страха и боли, Гнедко понёсся, стреляя ошмётками снега из-под копыт, так споро, что обошёл умчавшегося вперёд Лохматого.

«Неужто оторвёмся?» — вспыхнула надежда.

Сани неслись по ухабам, то возносясь, то падая. На поворотах наездника бросало из стороны в сторону, а сзади неумолимо накатывалась голодная стая, Фёдор Дементьевич ощущал это каждой клеткой тела. Вот вожак, клацая зубами, попытался достать не поспевавшего

за упряжкой Лохматого, но пёс в смертельном ужасе прибавил ходу и, изнемогая, запрыгнул в розвальни.

Вытянувшись вдоль узкой колеи, стая бежала свободно, легко, как бы скользя по снегу, молча и неотвратимо настигая выдыхавшегося коня. Лапа уже слышал их прерывистое дыхание. Ещё немного — и волки, пьянея от горячей крови, разорвут, растерзают его на куски. Он сдёрнул с себя овчинный тулуп и швырнул на дорогу. Звери набросились на него, но, обнаружив обман, возобновили погоню с ещё большей яростью.

Человек снимал и кидал в сторону стаи то шапку-ушанку, то рукавицы, но однажды одураченные серые не обращали на них внимания. Разгорячённая преследованием стая жаждала крови и мчалась, неумолимо сокращая расстояние. Бешеная, изматывающая гонка близилась к финалу.

Охваченный страхом Фёдор Дементьевич, не умолкая, иступлённо вопил, брызгая слюной, то на коня: «Быстреей, Гнедко, быстреей!», то, обернувшись назад, устрашающе тряс топором, на стаю: «Порублю! Всех порублю!»

Казалось, ещё несколько секунд — и матёрый повиснет на руке, а остальные трое станут рвать его, ещё живого, на куски...

Мужик затравленно огляделся. В ногах жался Лохматый.

Глаза Лапы вспыхнули сатанинским огнём — вот оно, спасение? Живая тварь, кровь — вот что нужно стае! Он ногой пихнул пса навстречу смерти, но бедняга, широко раскинув лапы, удержался. Всё его существо выражало недоумение и обиду.

— Пошёл, паскуда, — срываясь на петушиный фальцет, завизжал обезумевший Лапа и нанёс сапогом увесистый удар.

Лохматый скособочился и, сомкнув челюсти, мёртвой хваткой вцепился в борт саней. Волки были совсем близко. Человек упёрся спиной в передок, поджал ноги и ударил по лобастой голове с такой силой, что пёс, оставив на гладко отполированном дереве светлые борозды от клыков, косо слетел с саней и, перевернувшись в воздухе, рухнул на дорогу. Слух полоснули истошный визг, глухой рык.

«Всё, конец», — подумал Лапа, поёживаясь. В беспощадной памяти остался немигающий, укоризненный взгляд собаки.

Упряжка промчалась сквозь ольшаник и вывернула из ложбины на заснеженный холм, откуда уже видны редкие огоньки деревни. Загнанный Гнедко замедлил бег. Только тут полураздетый Лапа почувствовал, как сотрясается от пережитого ужаса и холода всё его тело. Закопавшись в сено, он натянул поверх кусок брезента и насторожённо вглядывался в удаляющийся непроницаемо-чёрный лес. Страх постепенно отпускаял, уходил

как бы внутрь. Но, раз за разом прокручивая в памяти происшедшее, Лапа то и дело невольно съёживался.

Въехав на окраину деревни, он попридержал запалённого коня: «Добрый, однако ж, у меня мерин. Другой не сдюжил бы такой гонки».

Подъезжая по унылой, пустынной улице к своей красавице избе за сплошным крашеным забором, расчувствовался: «Мог ведь и не увидеть боле».

Ставни были плотно закрыты. Свет не горел.

— Спит чертовка. Ей-то что, — чертыхнулся Фёдор Дементьевич. Открыл ворота, загредел сапогом по двери.

В доме глухо завозились. Торопливо засеменяли. Лязгнул заков. Дверь приоткрылась. Лапа, не взглянув, прошёл мимо исхудалой фигуры в сени. Щёлкнул выключателем — темно.

— Лампочка перегорела, Федя, — тихо пояснила жена.

Лапа чертыхнулся и скрылся за ситцевым занавесом в жарко натопленной горнице.

— Не думала, что так скоро. Назавтра ждала, — оправдывалась хозяйка.

— Мечи на стол, замёрз, — скомандовал муж, опускаясь на табуретку. — Эх, чёрт, Гнедко-то на улице, — и, нахлобучив старую ушанку, поспешно выскочил.

Распряг и завёл мерина в тёплое стойло. Накрыл подрагивающие, взмыленные бока

попоной. Подложил в кормушку охапку сухого душистого сена.

— Ешь. Это тебе за справную службу, — Лапа протянул руку погладить ухоженную гриву, но мерин почему-то отвернул морду.

— Ты чего? Чего ты? Это ты зря! Да если б не Лохматый — нам бы конец! Понимаешь — всем конец! Я спас тебя... Спас! — горячо зашептал, оправдываясь, хозяин. Гнедко, тяжело дыша, упорно смотрел в сторону.

«А может, и не погибли б? — неожиданно уличил Лапу кто-то изнутри. — Топором саданул одного, глядишь, другим остратка, а то и на порубленного собрата позарились бы».

От этой простой мысли Фёдор Дементьевич сник: «Совсем я расклеился. Чего голову морочу... Что сделано, то сделано... сделано правильно».

Проходя мимо конуры, зацепил цепь. Она сиротливо звякнула и обожгла сердце тупой болью. Пересиливая внезапно навалившуюся слабость, он воротился в избу.

Жена ждала у накрытого стола. Умывшись в прихожей, муж сел, прижался спиной к тёплой белёной печке и замер.

— Как съездил, Федя? Видал молодых-то?

— Видал... Живы-здоровы. Хоромы здоровущие, со всеми удобствами. Топят газом. Обещают на недельку приехать... Помочь по хозяйству.

— Да у них, поди, у себя в дому работы хватает, — робко возразила супруга.

— Ничего, у себя всегда успеется.

— Мясо-то продал?

— А то! Мясо не редька, только свистни, — Лапа нащупал заворачивающе толстую пачку купюр и, вспомнив про подарок, вынул из другого кармана свёрток. — Держи, — развернул он цветастый платок.

— Ой, спасибо, Федя! Ой, спасибо! Глянь, как он мне?

— Будя трепаться, — грубовато оборвал муж, шумно хлебая щи.

Примерив обнову у зеркала, жена ещё более оживилась. На губах заиграла несмелая улыбка. Прибирая со стола, обронила:

— Пойду Лохматому костей снесу.

Лапа чуть не поперхнулся.

— Ложись-ка лучше, сам покормлю. Посмолю заодно перед сном, — торопливо возразил он, — да и Гнедко пора поить.

Взяв миску, он вышел на свежий воздух. Покурил. Напоил коня. Опять покурил. Сколько ни старался Фёдор Дементьевич заставить себя думать о прошедшем как неизбежном и оправданном, гибель Лохматого занозой сидела в мозгу, палила огнём.

В постели Лапа без конца ворочался с боку на бок. Перед воспалённым взором вновь и вновь возникала одна и та же картина: сквозь вихри снежной пыли взлетает тёмный силуэт, плавно переворачивается в воздухе и скрывается в гуще голодной, разъярённой стаи. Взлетает, переворачивается и...

За окном время от времени раздавались странные, непонятные вздохи. Напряжённо вслушиваясь в них, он незаметно забылся. И опять стая догоняла, окружала его, неумолимо затягивая живую петлю всё туже и туже. В голове возник нарастающий гул.

— А... а... а! — заметался Лапа от нестерпимой боли.

— Федя, ты чего? Что с тобой? Заболел? — трясла за плечо жена.

Лапа затравленно уставился на неё: не мог взять в толк, где находится, — всё ещё жил привидевшимся. Оглядевшись, наконец, узнал дом, жену.

— Фу ты, — облегчённо выдохнул он.

— Чего кричал так, Федя? — допытывалась встревоженная супруга.

— Мяса, видать, переел. Мутит. Недоварила, верно... Спи...

Жена принялась участливо гладить сивые непокорные кудри мужа. Так и заснула, оставив маленькую жёсткую ладонь на его голове. Лапа осторожно убрал её под подушку. Сон не шёл. Чем старательнее пытался он отвлечься, думать о чём-нибудь приятном, тем назойливей лезли в голову мысли о Лохматом. С щемящей тоской вспомнилось, как принёс его, ещё безымянного щенка, домой. Как радовался тому, что растёт сильный, не признающий чужих страж усадьбы. Как преданно сияли его глаза; как ликовал,

суматошно прыгал, захлёбывался счастливым лаем, встречая с работы; с какой готовностью исполнял все его желания.

Промаявшись почти до утра, Лапа осторожно встал, оделся и вышел в сени. Отпер дверь.

У крыльца из предрассветной мглы проступило косматое чудище: морда в рваных лоскутах кожи, ухо, болтающееся на полоске хряща, слипшаяся в клочья шерсть.

— Лохматый?! Ты?! Не может быть...

Острая боль пронзила затылок, и перед помутневшим взором Лапы закрутились десятки истерзанных псов. Ноги подкосились, и человек рухнул лицом в снег.

Свора

Поздним июльским вечером волчья стая томилась на лесистом увале в ожидании сигнала «разведчика». Наконец, со стороны реки донёсся призывный вой. Он не срывался на последней ноте, а завершался плавно гаснущим звуком, возвещавшим: «Чую добычу». Через минуту он повторился, наводя на всё живое безотчётный страх.

Отвечая вразброд, потянулись ввысь голоса встрепенувшейся стаи: «Слышим, жди!»

«Видящие» носом не хуже, чем глазами, волки затрусили, то опуская, то вскидывая головы, стремясь не пропустить

ни единого запаха. Бесшумно скользя сквозь непролазные заросли, мягко прыгая через поваленные стволы и рытвины, звери готовы были в любой миг замереть или молнией ринуться на жертву.

Вел стаю матёрый волчище — Дед. Он заметно выделялся среди прочих широкой грудью и более мощным загривком.

Звери, поначалу ровно семенившие, учуяв вожделенный запах сохатого, перешли в намёт. Густой лес не замедлял их бег: подсобляя хвостом-правилом, они ловко маневрировали среди стволов и зарослей кустарника...

Лось, дремавший в скалистой нише, заслышав вой, вскочил и, ещё не понимая, откуда грозит опасность, затоптался на месте. Увидев множество приближающихся из темноты огоньков, понял: схватки не избежать. Готовясь к бою, он притиснулся задом к отвесной стене и, набычив голову, выставил громадные рога.

Опытные волки взяли сохатого в полукольцо. Дальше всё должно было развиваться по отработанному сценарию: вожак, отвлекая жертву, всем своим видом демонстрирует готовность вцепиться в глотку, а остальные нападают с боков и режут сухожилия задних ног. Но разгорячённый бегом Дед совершил ошибку: с ходу кинувшись на быка, попал под сокрушительный встречный удар — острое копыто проломило грудь. А вот

налетевшие с боков сработали чётко: лось беспомощно осел на землю.

Воспользовавшись промашкой вожака, его давний соперник — Смелычак — первым сомкнул челюсти на горле сохатого и, дождавшись, когда тот, захлёбываясь хлынувшей кровью, перестанет бить ногами, взобрался на поверженного гиганта. Мельком глянув на истекающего кровью Деда, Смелычак понял, что тот не жилец, и победно вскинул голову: наконец пробил его час! «Отныне я вожак!» — говорили его поза и грозный оскал.

Он, выделяясь отвагой и силой, несомненно, являлся достойным преемником. Смелычак был настолько ловок и силён, что умудрялся на ходу вырывать куски мяса у бегущей жертвы. Попирая справедливые порядки, устоявшиеся в стае за годы предводительства Деда, Смелычак действовал нагло, подчиняя стаю своим желаниям. И, что странно, волки безоговорочно слушались. Это доставляло ему особое, прежде неведомое наслаждение — наслаждение безграничной властью.

Способствовало уступчивости стаи и изобилие в этом году мяса. Оленей расплодилось так много, что хищники безо всяких усилий резали их чуть ли не каждый день. Сытная жизнь упрочила владычество Смелычака и нескольких приближённых ему угодников: вокруг него образовалась как бы стая в стае.

Покорность сородичей до-вольню быстро растлила вожака-деспота. Предпочитая, что-бы, высунув языки, охотились простые члены стаи, Смелчак со свитой приближённых под-ходили к добыче, когда жертва уже дымилась кровью. Поначалу отнимали её силой, но мало-по-малу добытчики свыклись с этим беспределом и безропотно отхо-дили, дожидаясь своей очереди. Лишь изредка, когда охота ожи-далась необременительно лёгкой, Смелчак, дабы размяться, тоже участвовал в ней.

Возможность играючи, без усилий добывать пропитание привела к тому, что и остальные, доселе вроде нормальные, волки стали предаваться дикому раз-бою.

***

Жители деревни всё чаще натыкались на остатки зарезан-ных, порой нетронутых оленей. Как-то даже обнаружили рас-терзанного волками медвежон-ка. Рядом, уткнув морду в жи-вот, сидела оглушённая потерей медведица. Безвольно опустив передние лапы, она, горестно по-скуливая, раскачивалась из сто-роны в сторону.

Люди ругали серых, но в то же время полагали, что «на всё воля Божья». А стая, почувствовав себя хозяйкой окрестной тайги, стала бесцеремонно промышлять даже возле деревушки. Затрав-ленные олени всё ближе жались к окружавшему её заплоту.

Однажды табунок, в наде-жде, что волки не посмеют по-дойти к человеческому жилью, расположился на ночь прямо у бревенчатого частокола. Не успе-ли олени задремать, как встре-воженно захоркал бык-вожак. Животные вскочили, сбились в кучу. Один олень вдруг ни с того ни с сего начал яростно, словно от кого-то отбиваясь, ля-гать воздух. Но сколько олени ни всматривались во тьму, так и не смогли разглядеть ничего подозрительного. Тем временем рогач, взвившись на дыбы, упал и начал кататься по траве. Воз-дух наполнился запахом смерти.

А серые тени, уже не таясь, выныривали из тьмы, и вскоре табунок превратился в мятущий-ся хаос: олени вскидывались, хрипели и падали, захлёбываясь кровью. Резня продолжалась меньше десяти минут. Когда раз-буженные яростным лаем собак мужики принялись палить для остратки в черноту, всё было кончено.

Утром при виде оленьих туш, лежащих на примятой, бурой от крови траве, скитники ужасну-лись. Казалось, что даже небеса с немым укором взирают на кар-тину бессмысленного побоища.

— Сие проделки дьявола в волчьем обличии! Пора дать ему укорот! — возмущался лучший стрелок — Пуля.

Ещё до этого случая, изучая по следам жизнь стаи, кряжи-стый бородач смекнул, что ею верховодит башковитый, но же-

стокий зверь. Пуля был уверен, что если выследить и уничтожить вожака, то разбой прекратится. Распутывая волчьи следы, он не единожды выходил на место отдыха стаи, однако хитрый волчара неизменно уводил её раньше, чем можно было сделать верный выстрел.

Смельчак тоже наблюдал за охотником. Пуля чувствовал это, и несколько раз их взоры даже скрещивались, но за то мгновение, пока он вскидывал ружьё, зверь успевал исчезнуть, как будто растворялся в воздухе.

На этот раз терпение у людей лопнуло. Охотники договорились устроить засады на всех возможных проходах. Пуле с братом Фёдором достался караул возле ключа, отделявшего кедрач от осинника. Натеревшись хвоей пихты, они устроились в кустах, держа ружья наготове. Привидением проплыл над головами филин. Вышли на прогалину олени. Сопя и пыхтя, полез на косогор упитанный барсук. И только волков не было ни видно, ни слышно, хотя они всё это время бродили неподалёку, искусно минуя засады.

Среди ночи не смыкавший глаз Пуля почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд, но он так и не заметил Смельчака, вышедшего прямо на их засаду. Волк некоторое время понаблюдал из-за куста за давним противником и, развернувшись, увёл стаю в путаную сеть отрогов.

Последующие засады также не дали результата. Решили насторожить самострелы на волчьих тропах. Через несколько дней один из них сработал: стрела пробила волка насквозь. Живучий зверь пробежал ещё с версту. Пытаясь зубами вытащить стрелу, он временами ложился на землю. Охотники нашли его по голосу ворона-вещуна, каркающего в таких случаях по-особому. Шкуру снимать не стали: от волка исходила невыносимая вонь.

— Питаются хорошим мясом, а пахнут дурно, — удивлялся Фёдор.

— А што ты хошь? Оне же слуги дьявола! — откликнулся кто-то из мужиков.

После потери собрата стая словно испарилась. Через год ставшие уже забывать о её существовании люди вновь были потрясены жестокой и бессмысленной бойней в одном из распадков: большинство зарезанных оленей лежали нетронутыми. Повторные облавы, пасти, самострелы на тропах и на привадах теперь вообще не давали результата.

Предыдущие уроки для серых не пропали даром. Поднаторевший Смельчак запросто разгадывал хитроумные замыслы охотников.

Однажды им всё же повезло. Случайно вышли на Смельчака и его приближённых в то время, когда они жадно рвали рогача (остальные члены стаи в это

время терпеливо ожидали в отдалении, когда Смелычак и его приближённые наедятся). Охотники не преминули воспользоваться возможностью, чтоб поквитаться с обнаглевшими хищниками. Меткие выстрелы Пули и Трофима уложили троих. Правда, Смелычаку и в этот раз повезло. Он с подругой находился за тушей и не был виден охотникам. При первых выстрелах оба зверя успели убежать.

Одна из пущенных вдогонку пуль настигла отставшую волчицу. Смертельно раненная, она повернулась к бегущим стрелкам и, оскалившись, пошла, шатаясь, им навстречу. За это время волки-добытки, ожидавшие в кустах своей доли, скрылись в чаще, не замеченные охотниками.

***

Утрата своры приближённых стала для Смелычака потрясением. Лишь на третий день он вернулся в стаю. Волки дремали, блаженно развалившись в самых немислимых позах. Увидев вожака, по привычке встали, но смотрели напряжённо, иные даже враждебно.

Воспользовавшись его отсутствием, главенство уже захватил Широколобый. Убедившись, что Смелычак один, без свиты, он ещё более осмелел и стал открыто демонстрировать своё непоколебление.

— Померимся силой? Давай! Я готов! — говорила его поза.

Смелычак понимал, что должен во что бы то ни стало осадить самозванца, но праздный образ жизни не прошёл даром: он утратил былую силу и сноровку. Однако, даже отдавая отчёт, что, скорее всего, уступит Широколобому, Смелычак не мог добровольно сдать власть: гордыня не позволяла.

Склонив голову набок, Широколобый насторожённо следил за каждым движением вожака. Уже были показаны белые, как снег, клыки, поднята дыбом на загривке шерсть, гармошкой сморщен нос, неоднократно прозвучал устрашающий рык, но звери с места не сходили. Наконец, Широколобый, делая вид, что отступает, принудил Смелычака совершить бросок. А сам этого только и ждал — отпрыгнув в сторону, он неуловимым боковым ударом лапы сбил вожака с ног и, нависнув над ним, принялся остервенело трепать загривок.

Поняв, что ему не одолеть молодого, Смелычак вырвался и метнулся в чащу. Ещё никогда он не чувствовал себя таким опозоренным...

Давно заглохли последние верховые запахи стаи, а он всё бежал и бежал, кипя от бешенства и бессильной злобы. Наконец, добрался до местности, богатой зверьём, а следы пребывания людей там отсутствовали.

Смелычак быстро свыкся с участью изгоя и стал жить бирюком. Правда, иногда на него на-

валивалась невыносимая тоска, но, не желая выдавать своё местоположение, он воздерживался от исполнения заунывной песни о своей горькой доле. В такие минуты лишь тихо и жалобно скулил, уткнув морду в мох.

***

Как-то стая Широколобого, перемещаясь вслед за стадом оленей, столкнулась со Смелычаком. Волки с показным безразличием прошли мимо низвергнутого вожака. От унижения Смелычак заскрежетал зубами, да так, что на одном из них скололась эмаль. Ему, всю жизнь одержимому стремлением к главенству, жаждой превзойти других, видеть такое нарочитое пренебрежение было невыносимой мукой, но пришлось стерпеть.

Утратив за время царствования охотничью сноровку, Смелычак вынужден был довольствоваться мелкой и, как правило, случайной поживой. Зато, хорошо разбираясь в оттенках голоса ворона-вещуна, он легко определял, что тот обнаружил падаль, и по его подсказке не гнушался сбегать подкрепиться на халяву.

Однажды, переев сильно протухшего мяса, чуть не околел, а после поправки уже не мог даже приближаться к падали: у него тут же начинались рвотные позывы. Отвыкший быстро бегать, он приноровился размеренно и упорно, с присущей волкам неутомимостью преследовать добычу часами, а порой и сутками.

Безостановочно шёл и шёл, не давая намеченной жертве возможности передохнуть.

Преследуемое животное поначалу уходило резво, но постепенно шаг тяжелед, клонилась к земле голова. Расстояние между хищником и потенциальной добычей неуклонно сокращалось. Страх приближающейся смерти парализовывал жертву, лишал сил. Смелычака же близость добычи, напротив, бодрила. Наконец, до предела измотанное животное смирялось и останавливалось, уже безучастное ко всему. И, когда Смелычак подходил, как правило, даже не пыталось сопротивляться...

Волк потихоньку восстанавливал былую форму и к следующей зиме нехватку в пище не испытывал: мало кому удавалось избежать его клыков.

В один из знойных полудней дремавший на обрывистом берегу Смелычак проснулся от хруста гальки и плеска воды: кто-то переходил речку. Похватав пролётные запахи, волк уловил чарующий аромат стельной лосихи. Принюхался — точно лосиха! Брюхатая брела по перекату в его сторону. Волк сглотнул слюну. От предвкушения возможности поестъ свеженины в голову ударила кровь.

Когда лосиха остановилась под обрывом, Смелычак выверенным прыжком оседлал её и вонзил клыки в шею. Очумевшая от внезапного нападения будущая мамаша, оберегая

бесценное содержимое живота, опрокинулась на спину и с ожесточением принялась кататься по гальке. Волк, разжав челюсти, чуть живой выполз на берег, а потрясённая лосиха удалилась в лесную чащу.

***

Выполняя просьбу матери, Пуля бродил по берегу речушки и копал корневища лапчатки серебристой для лечения желудка. Неожиданно он ощутил на себе до боли знакомый взгляд: по спине аж холодок пробежал. Неужто Смельчак?! Он резко обернулся и внизу, у самой воды, увидел невзрачного, всклокоченного волка, но глаза сразу выдали его — точно, Смельчак!

— Вот так встреча! Так ты, вурдалак, оказывается, до сих пор жив?! — воскликнул человек.

Зверь вздрогнул и, прижав уши к загривку, замер. В его

взгляде сквозили испуг, тоска, чувство беспомощности: не было сил даже оскалить когда-то страшные клыки. А человек смотрел на мокрого, скукожившегося зверя сочувственно, можно сказать, с грустью. Смельчак не выдержал, отвёл глаза, тяжело вздохнул. В какой-то момент во взгляде Пули вместе с жалостью невольно мелькнула мстительная удовлетворённость.

Смельчак, почуяв перемену в настрое человека, едва слышно заскулил.

— Нечего плакаться, получил ты по заслугам.

Пуля спрыгнул на галечную косу и направился к волку. Тот в ужасе съёжился, дёрнул грязным, как дворовая метёлка, хвостом и как будто всхлипнул.

— Не бойсь, лежачих не бьют, — охотник склонился над зверем и... наткнулся на угасающий взгляд. Волк был мёртв...